

Исследованию феномена войны, её природы, сущности и содержания посвящено огромное количество как научных работ и философских трактатов, так и художественных произведений. Войну называли и «отцом всего» (Гераклит), и «путём обмана» (Сунь-цзы), и «продолжением политики насильственными средствами» (Клаузевиц). А незабвенный Козьма Прутков выразился в отношении войны со свойственной ему прямоотой и ясностью: «Когда народы между собой дерутся, это называется войною».

Российской Императорской армии генерал-лейтенант Н.Н. Головин рассматривал войну как своего рода социальный невроз [32]. Немецкий философ и естествовед начала XX века Георг Фридрих Николаи видел причины возникновения войны в биологических инстинктах человека и его борьбе за выживание [10]. А уже в конце самого жестокого века в истории человечества его соотечественник философ Хаймо Хофмайстер увидел в войне феномен жизни [31].

С точки зрения метафизики война всегда имеет антиматериалистический, духовный смысл. Это — своеобразный «экзамен для нации». Война предоставляет человеку возможность пробудить Героя, спящего внутри него. Согласно взглядам метафизиков, «сражаются не за страну или честолюбивые государственные устремления, а за высший принцип цивилизации» [9]. По их мнению, война и героический опыт способны вызвать пробуждение глубинных сил, связанных с основами расы: «Кровь героев священнее чернил мудрецов и молитв верующих». Материалисты, в особенности марксисты, напротив, видели причину войн исключительно в классовом неравенстве общества и антагонистическом противостоянии «между трудом и капиталом» [1].

Вместе с тем, война — это не просто направляемый политикой феномен вооружённой борьбы. Она сопровождается изменением хода многих социальных процессов, вовлечением в борьбу экономических, идеологических и прочих сил и средств. «Война есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации», — писал В.И. Ленин. Воздействие войны на общественное развитие осуществляется через резкое нарушение и изменение привычных функций и характера бытия элементов той или иной социальной организации.

В сущности, вся история человечества — это история войн и вооружённых конфликтов: от межплеменной розни через межнациональную, межрасовую и межрелигиозную вражду общество в XX веке пришло к двум мировым войнам, охватившим пять континентов, в которых по самым скромным подсчётам погибло более 60 миллионов человек [29].

Если взять историю России, то, например, с начала возрождения русского государства после распада Монгольской империи в XIV веке и до наших дней, а это примерно 650 лет, Россия провела в войнах больше половины этого отрезка времени [16].

Тем не менее, за прошедшую историю война не изменила своего внутреннего содержания: при всём многообразии теорий происхождения войны, она была и осталась борьбой за смену и перераспределение социальных ролей в ходе развития общества. Война сохранила неизменной и свою сущность: выявление управляющей воли путём именно вооруженной борьбы. При этом задача противостоящих сторон в большинстве случаев состояла «не в том, чтобы просто физически ликвидировать врага в ходе вооружённой борьбы, а в уничтожении противника именно как претендента на роль, которую хотим выполнять мы, в том, чтобы перевести его посредством вооружённой борьбы в другую роль, дополняющую или заменяющую свою» [33].

С точки зрения социологии в качестве необходимого условия возникновения войны выступает фактор справедливости. Под ним понимается «невозможность мирного сотрудничества субъектов социальных отношений в прежних ролях в связи с настоятельной необходимостью общественного прогресса» [32]. С точки зрения политологии война обязательно наступает тогда, когда конкурирующие государства приходят к пониманию, что другая сторона стала либо слишком слабой, либо, наоборот, — слишком сильной [50].

Согласно социологическим исследованиям любой субъект (личность, организация, страна) может быть описан посредством усвоенных и принятых им или вынужденно выполняемых социальных функций и образцов поведения — так называемых ролей, вытекающих из его социального статуса в данном обществе в данное время. При этом в любом человеческом деле можно выделить три формальные роли или функции: обеспечение, управление и исполнение. Обеспечение даёт средства, управление — цели, а исполнение приводит к результату. В процессе войн как раз и происходило перераспределение ролей: обеспечения, управления и исполнения. Исходя из этого, с позиций социологии основной целью любой войны является не просто уничтожение противника как такового, а силовое перераспределение ролевых функций стран или социальных групп внутри страны, если иметь в виду войну гражданскую. Поэтому хорошо понята каждая война, в конечном счёте, может быть лишь в диалектическом сопоставлении с предшествовавшим ей миром, насыщенным породившей войну политической борьбой, а также и с завершающим войну миром [1].

В ходе общественного прогресса война, не изменив своей сущности, претерпела немало изменений в форме и методах её ведения. Это обусловлено тем, что по меткому замечанию британского военного теоретика Кингстон-Макклори:

«Самое сильное влияние на войну и на формы ее ведения оказывает процесс совершенствования оружия, как наступательного, так и оборонительного».

В современном понимании война — это «общественно-политическое явление, связанное с коренной сменой характера отношений между государствами и нациями и переходом противоборствующих сторон от применения невоенных, ненасильственных форм и способов борьбы к прямому применению оружия и других насильственных средств вооружённой борьбы для достижения определённых политических и экономических целей» [18]. При этом главным средством ведения войны являются вооружённые силы и иные военизированные формирования. Вместе с тем в войне зачастую используются и другие — как военные, так и невоенные — формы борьбы, но основная и решающая форма борьбы в войне — именно вооружённая. В связи с этим, с точки зрения военной науки, недостаточно корректными следует считать такие выражения, часто используемые СМИ, как «газовая (угольная, алюминиевая и т. д.) война», «маркетинговая война», «торговая война», «сетевая война» и т. п., ставшие уже расхожими клише. Не зря говорил Конфуций, что «поняв смысл слов, многое прояснится». Указанные явления скорее следует относить к конфликтам интересов, чем к войне как таковой.

Отдельным смысловым понятием является «информационно-психологическая война», но об этом будет сказано несколько ниже.

Война как социальное явление имеет две диалектически связанные стороны: социально-политическую и военно-техническую. И если первая показывает, кто и во имя чего ведет военные действия, то вторая отражает те материальные и людские ресурсы, которые используются в войне [17].

Война — это всегда поединок: в войне есть сторона нападающая и сторона обороняющаяся. И война, в отличие от вооружённого конфликта, всегда должна заканчиваться победой [33]. В классическом понимании победа — это «боевой успех, нанесение поражения войскам противника, достижение целей, поставленных на бой, сражение, операцию и войну в целом» [17]. Именно победа — успешный итог войны для одной из противоборствующих сторон и характеризуется она разгромом или капитуляцией противника, полным подавлением его способности к сопротивлению [40]. В этом случае достигнутый военный результат трансформируется в политическую победу, когда заключаемый после военной победы мирный договор отражает послевоенные роли воевавших сторон с точки зрения победителя и его союзников.

С другой стороны, в терминологии блока НАТО понятие «победа» тождественно понятию «успех», под которым понимается возможность сворачивания военных действий и вооружённого присутствия в побеждённой стране с последующей передачей ответственности и полномочий управления «побеждённым государством» местным властям [18]. Но добиться успеха ещё

не значит победить. Поэтому не зря говорится, что «американцы выиграли много битв, но не выиграли ни одной войны».

Вопрос о политическом смысле и содержании победы в войне необходимо рассматривать, прежде всего, с учётом политического содержания войны в контексте тех политических целей, которые в ней ставятся [40]. От них зависит характер войны — ограниченный или тотальный, а зачастую и «уровень тотальности» войны. При этом социально-политический характер войны может быть идентичным или противоположным с обеих воюющих сторон [1].

Цели воюющих сторон могут значительно меняться в ходе войны под воздействием разного рода обстоятельств и, прежде всего, под воздействием самого хода военных действий. В этом проявляется специфика обратной связи между войной и политикой, политикой и военной стратегией. При этом замещение политического целеуказания идеологическими установками для военно-стратегического планирования, как показывает история, может сказаться самым пагубным образом на итогах войны и её последствиях.

Роль любой войны в истории простирается далеко за хронологические рамки её ведения и непосредственных итогов. Окончательно роль войны в истории раскрывается в её последствиях, под которыми понимается «характер изменения расстановки социально-экономических, политических и духовных сил между государствами и внутри них, сложившийся в результате военных действий, понесённых потерь и степени реализации целей воевавших сторон» [1]. Выделяют непосредственные и отдалённые последствия войны. При этом историческую роль той или иной войны необходимо оценивать по её последствиям лишь в рамках одной эпохи, так как новая эпоха потребует и нового решения проблемы войны и мира.

В процессе исторического развития общества сложилась специфическая отрасль знаний — наука о войне и ведении войны, имеющая свои объект, предмет и методологию исследования, свою систему классификации, понятий, категорий и законов [13, 28-30, 32-34, 43, 50].

Наука о войне выделяет три революции в военном деле, которые охватывали все его стороны [18]:

первая совершилась в связи с появлением пороха и огнестрельного оружия;

вторая была связана с производством и массовым применением машинной боевой техники и автоматического оружия;

третья — с принятием на вооружение армий ракетно-ядерного оружия и других новейших средств вооружённой борьбы.

В настоящее время мы являемся свидетелями и участниками четвёртой революции, связанной с широким внедрением в военное дело информационных и компьютерных технологий.

В современном понимании по своим масштабам и составу участников войны делятся на мировые (всеобщие, крупномасштабные), региональные (ограниченные рамками театра военных действий), войны локальные и вооружённые конфликты. С точки зрения общественной морали войны делятся на справедливые и несправедливые, а с точки зрения общественного развития — на прогрессивные и реакционные. Как говорил Н. Макиавелли: «Война — хорошее дело, если от брони её отсвечивает надеждой».

Обширную классификацию войн, доктрин и форм применения вооружённых сил дают американские специалисты, что связано с большой военной активностью армии США в конце XX — начале XXI веков по сравнению с другими государствами мира [20, 21, 27, 30, 50].

В частности, в качестве форм применения своих ВС США рассматривают кампанию, крупномасштабную операцию, операцию, сражение, боевые действия, удар, рейд, бой. Общей формой для всех уровней боевых действий является манёвр.

К основным видам военных действий относятся наступательные, оборонительные и сдерживающие действия, проводимые в формах совместных, самостоятельных и специальных операций [46]. Понятие театра войны всё больше воспринимается как боевое пространство, объединяющее сушу, море, воздух, космос и киберпространство (информационную среду).

В то же время по классификации, предложенной в своё время генерал-майором ВС РФ В. Слипченко, наступило время войн Пятого поколения — дистанционных и бесконтактных [19]. Хотя, из-за неравномерности экономического развития государств, ряд стран, в том числе и Россия, имеют сегодня боевой потенциал и структуры вооружённых сил для велаения войн только Третьего и Четвёртого поколений. Такое положение дел полностью соотносится с принципом преемственности в использовании вооружения и военной техники и находит отражение в тактике, оперативном искусстве и стратегии [17].

Одним из важных направлений военной науки является исследование такого понятия как «способ ведения войны», что предполагает выяснение вопроса о том, как велась или может вестись в будущем война с точки зрения использования вооружённых сил и других средств борьбы для достижения политических целей.

Так, с социально-политической точки зрения способы ведения войны могут различаться соотношением собственно военных средств (действий вооружённых сил) и невоенных, но используемых в войне форм борьбы (экономической, идеологической, дипломатической, информационной), известным преобладанием первых или вторых, отношением к народным движениям, возникающим в процессе войны (партизанская война, восстания, саботаж и др.), степенью мобилизации материальных и духовных сил общества для ведения войны и т. д.

Способ ведения войны формируется в определённой зависимости от способов ведения военных действий. Но и сам он как более высокое звено в организации деятельности людей в войне оказывает существенное влияние на способы стратегического, оперативного и тактического масштабов, выполняя некую интегрирующую роль в различных формах ведения вооружённой борьбы.

По этому поводу Элвин Тоффлер в одной из своих работ как-то заметил, что «способ ведения войны отражает способ создания богатств» [34]. Поэтому информационному обществу становятся присущи и новые способы и методы ведения войны. Это так называемые войны Шестого поколения — кибернетические [45, 46, 55]. Принимая во внимание тезис Тоффлера о том, что средства и формы ведения войны есть отражение сути существования наций, можно прогнозировать развитие способов и средств вооружённой борьбы, а также средств и способов противодействия им.

Каковы же тенденции развития способов и методов «воевания» применительно к информационному обществу на современном этапе его развития?

Достижения в области науки и техники конца XX — начала XXI веков, особенно в области информационных и телекоммуникационных технологий, требовали от военного руководства большинства стран переосмыслить и провести ревизию взглядов на теорию и практику военного строительства.

При этом изменения носят комплексный характер, так как захватывают все уровни управления войсками и оружием. В основном изменения были обусловлены тем, что по прогнозам военных специалистов плотность войск на театре военных действий будет и дальше уменьшаться, а пропускная способность каналов связи — возрастать (точка схождения двух гипербол была в 1991 году), а также тем, что условием успеха в современной войне будет являться достижение информационного превосходства над противником [20-24, 45].

Оказалось, что в условиях глобализации эффективно управлять можно и путём формирования «матриц противоречий» между отдельными странами и группами стран, и путём «точечных» воздействий финансового, информационного и военного характера, что в борьбе за перераспределение социальных ролей существенно расширяет спектр возможных средств, в том числе невоенных [22, 30, 59].

Тем не менее, несмотря на рост взаимозависимости стран в сферах экономического развития и торговли, продолжающейся глобализации экономики, военная сила по-прежнему остаётся очень важным фактором международных отношений [46, 47]. При этом соединение практики локальных войн и терроризма в единую антагонистическую систему породило феномен, названный военными теоретиками асимметричными войнами [14, 15, 56, 57]. Такой тип войны становится совершенно новым инструментом насилия, обладающим своими специфическими чертами:

различными основаниями и причинами военных действий у противоположных сторон (субъектов и объектов глобализации);

качественным различием средств и методов ведения вооружённой борьбы у противостоящих сторон при их сходстве как в стремлении к «точечному» характеру ударов, так и по совершенно противоположным декларируемым результатам: уничтожению в обоих случаях, преимущественно не виновников насилия, а мирного населения, причём отнюдь не «точечно»;

качественное различие сил (военных потенциалов) у противостоящих сторон при способности каждой из них оказывать сравнимое воздействие на противоположную сторону;

отсутствие не только линии фронта в его классическом понимании, но и сколько-нибудь локализованного в пространстве театра военных действий.

Среди причин широкого распространения асимметричных войн можно выделить развитие структур и отношений сетевого общества, а также эффект «диффузии» вооружений и мирной продукции, когда интернет становится средством общения не только простых граждан, но и террористов, а также средством манипулирования общественным сознанием страны-мишени, как, например, в случае с электронной дипломатией или дипломатией Web 2.0 Государственного департамента США. Кроме того, ресурсом для террористических акций могут быть высокотехнологичная гражданская продукция, особенно химическая и радиоэлектронная [57].

На сегодняшний день самым агрессивным государством на планете, стремящимся к глобальному лидерству, остаются США, чья военная стратегия направлена на трансформацию ядерного сдерживания в стратегическое сдерживание обычными средствами [20, 27]. Конечная цель американской военной политики — уйти от концепции взаимного гарантированного уничтожения, заменив её принципом «гарантированного уничтожения противника» [39, 45, 52]. Отсюда и попытки развёртывания системы противоракетной обороны (ПРО) в Европе, и навязывание России сокращения не только стратегического ядерного оружия, но и тактического на фоне создания гиперзвукового оружия и милитаризации космоса [60].

Для достижения поставленной цели американские военные и гражданские специалисты разработали целый ряд концепций, которые в той или иной форме проходят апробацию в ходе проведения США военных операций как самостоятельно, так и в коалиции со своими партнёрами.

К основным из них относятся концепции «стратегического паралича», «превентивной обороны», позже трансформированной в концепцию «умной обороны» НАТО, концепция «враг как система», концепция сетецентрической войны («Network Centric Warfare»), концепция нацеленности при проведении боевой операции на конечный результат или эффект («Effects-Based Approach to

joint Operations»), стратегия 3D (defense, diplomacy, development), концепции «твёрдой» (hard), «мягкой» (soft) и «смешанной» (smart) силы, концепция «глобального удара» [20, 24, 50].

Сутью всех этих концепций является попытка предотвращения появления на мировой арене нового соперника США, представляющего угрозу их национальным интересам, удержание в выгодном для Америки состоянии уже существующих соперников, а также попытка получения тотального информационного превосходства в случае перехода конфликта в «горячую» фазу с задействованием военнослужащих американской армии, что в условиях информатизации равносильно получению стратегического преимущества [23-27].

Наибольший интерес среди всех этих концепций вызвали две: концепция «сетцентрической войны» (СЦВ) и концепция «глобального удара».

Анализ концепции «сетцентрической войны» позволяет сделать вывод, что это не новый специфический способ или форма ведения войны, а лишь способ интеграции технических средств разведки, автоматизации управления и огневого поражения посредством информационно-телекоммуникационных сетей связи и передачи данных в целях повышения эффективности ведения боевых действий путём согласования и координации действий имеющихся сил и средств на основе единого информационного пространства и ускорения, вследствие этого, темпов операции и эффективности поражения противника [23, 25]. Повышенное внимание к концепции «сетцентрической войны» обусловлено тем, что, по мнению американских специалистов, «скорость командования является процессом, при котором позиция информационного превосходства превращается в конкурентное преимущество» [24]. Реализуя за счёт новых технологий свой цикл боевого управления быстрее, чем противник, можно «попасть внутрь» его цикла управления (или цикла НОРД (наблюдение — ориентация — решение — действие), предложенного полковником ВВС США Дж. Бойдом) и действовать вследствие этого на упреждение, получая стратегическую или тактическую инициативу [51].

Кроме того, по мнению разработчиков концепции, «сетцентрический» способ ведения боевых действий позволяет также перейти от войны на истощение к более скоротечной и более эффективной форме ведения вооружённой борьбы, для которой характерны быстрота управления и принцип самосинхронизации, то есть способность военной структуры самоорганизовываться снизу, не дожидаясь указаний сверху [46].

Что касается концепции «глобального удара», то по терминологии американских военных специалистов глобальный удар — это форма военных действий, представляющая собой серию целенаправленных высокоточных атак, осуществляемых в сжатые сроки на большие расстояния для решения стратегических задач [60].

Характеристики глобального удара являются точность, быстрота, эффективность, дальность. Глобальный удар может применяться в интересах огневого, ядерного, электромагнитного, кибернетического и иного поражения наиболее важных объектов противника. Американскими военными глобальный удар рассматривается как скоординированное массированное воздействие на важнейшие объекты противника, осуществляемое на начальном этапе военной операции в интересах создания условий для последующих решительных действий группировки вооружённых сил по достижению конечных оперативных и стратегических целей. При этом для реализации концепции «глобального удара» может использоваться весь спектр средств вооружённой борьбы.

Существенная роль в новой стратегии США отводится различным способам снижения эффективности управления войсками и оружием у противника за счёт воздействия на его линии коммуникации и сознание военнослужащих противостоящей стороны путём использования «невоенных» по сути способов ведения боевых действий. В первую очередь это организация и ведение информационно-психологической войны, с помощью технологий которой инициируется столкновение двух моделей мира — старой и новой, из которых одна, навязываемая противником, постепенно начинает доминировать над существующей. [20, 21, 30, 46, 55, 59]. Необходимым условием успешного ведения такой войны является наличие единого информационного пространства с противником, в котором планируются и проводятся все действия. В противном случае инициируемые нападающей стороной информационные процессы просто не смогут достичь своей цели — сознания противника. Отсюда — жёсткая борьба США за свободу информации, поддержку разного рода НКО и свободу Интернета, куда «ушло» большинство средств массовой информации.

Следует иметь в виду, что если в войнах Пятого поколения информационные технологии выполняют роль обеспечивающую для физических средств поражения, то войны Шестого поколения, по мнению ряда аналитиков, могут полностью стать информационными, а точнее информационно-психологическими [19, 21, 30]. Многие специалисты прямо отмечают, что наличие эффективной системы информационно-психологического воздействия на друзей, союзников, «нейтралов», мировое общественное мнение в целом и, в первую очередь, на объект предполагаемого силового воздействия следует считать не менее важным условием достижения военной победы и тем более политических целей применения военной силы, чем наличие современного вооружения и военной техники [40]. При этом информационное воздействие осуществляется в основном в так называемом кибернетическом пространстве, в то время как психологическое воздействие осуществляется в основном в пространстве социальном и основное её поле боя — язык общения индивидов и их коммуникационная среда.

С целью организации информационного воздействия в арсеналах ведущих держав появились новые средства противоборства, объединённые понятием «информационное оружие». В самом общем виде информационное оружие — это комплекс технических и других средств и технологий, предназначенных для установления контроля над информационными ресурсами потенциального противника; вмешательства в работу его систем управления и информационных сетей, систем связи и т. п. в целях нарушения их работоспособности, вплоть до полного выведения из строя, изъятия, искажения содержащихся в них данных или направленного введения специальной информации; распространения выгодной информации и дезинформации в системе формирования общественного мнения и принятия решений [37, 46, 55]. При этом информационное оружие не подменяет все известные типы вооружения, а создает нужный фон, снижающий уровень необходимой потребности в «традиционных» видах оружия для достижения окончательных целей войны.

Психологическое воздействие на противника с использованием современных информационных технологий и технологий социальной инженерии представляет собой определенную методологию изменения картины мира противоположной стороны в заданном направлении, базирующуюся на коммуникативных процессах. При этом сама коммуникация подчиняется как стратегическим, так и тактическим законам: в рамках стратегических коммуникаций определяется какая информация и как должна быть проявлена, а в рамках тактических — где и когда [37].

Высшей формой войны будущего можно назвать так называемую «консциентальную» войну (от латинского *conscientia* — сознание). Это согласованная по целям, задачам, месту и времени система информационно-пропагандистских и психологических мер, проводимых с применением средств массовой информации, культуры, искусства и других (психотропных, психотронных) средств в течение длительного времени по тщательно разработанному сценарию. Предметом поражения и уничтожения в консциентальной войне являются определенные типы сознания, а носители этих сознаний, наоборот, могут быть сохранены, если они откажутся от форм сознания — предметов разрушения и поражения. При этом уничтожение определенных типов сознания предполагает разрушение и переорганизацию общностей, которые консолидируют данные типы сознания.

Консциентальная война, являясь комплексной формой воздействия на народ и государство в целом, ведется с помощью так называемого «консциентального оружия» или оружия поражения сознания: всего арсенала самых современных информационных и психологических методов воздействия на отдельную личность и массы населения. Основная функция консциентального оружия состоит в том, чтобы разложить и уничтожить народ данной страны, чтобы он перестал существовать как народ, разбившись на индивидов-граждан всего мира или на какие-то другие аморфные группы. То есть сознание населения страны превра-

щается в отдельный четко выделяемый предмет воздействия и преобразования со стороны противника.

Что же в складывающейся ситуации делать России, как и к какой войне готовиться?

Достаточно беглого взгляда на политическую карту мира, чтобы понять проблемы, стоящие перед Российской Федерацией и её Вооружёнными силами в деле отстаивания своих национальных интересов, сохранения политического статуса и социальной роли одного из мировых центров силы.

Так, на Западе и частично на её южных рубежах России противостоят немногочисленные армии стран блока НАТО и бывших союзников СССР по Варшавскому договору. При этом войска НАТО, не обладая высоким боевым духом, в целом имеют большую численность, вооружены по большей части самой современной техникой и вооружением.

На пассионарном Юге можно наблюдать попытку США руками разного рода «армий освобождения» развязать региональную религиозную войну среди стран, исповедующих ислам, целью которой, в конечном итоге, является ослабление Ирана, как ведущего регионального государства. В данном регионе сосредоточено большое количество оружия для войн от Третьего до Пятого поколений. При этом Израиль и Пакистан имеют на вооружении ещё и ядерное оружие.

Дополнительную угрозу на Юге России создают исламистские группировки Северного Кавказа, ведущие на религиозно-экономической почве свою «мятежевойну» в основном с использованием стрелкового оружия и диверсионно-террористических методов.

На Дальнем Востоке, помимо на время затаившейся ввиду экономических проблем Японии, расправляет свои крылья китайский дракон.

Стремительный рост экономической и как прямое следствие — военной мощи Поднебесной означает, что необходимые ей природные богатства и территории она не прочь брать силой, о чем в Пекине заговорили уже практически открыто на достаточно высоком уровне [53]. Виной тому — бурный рост экономики Поднебесной: дело не в какой-то особой агрессивности Китая, а в том, что экспансия для него — вопрос выживания его экстенсивной модели экономики [58]. Как говорят сами китайцы: «Тигр ест людей не потому, что он злой, а потому, что голоден».

Что касается вектора экспансии Китая, то после потери своих позиций в Африке и на Среднем Востоке у Поднебесной остаётся одно направление — Север, то есть Сибирь и Дальний Восток. Тем более что подобный сценарий развития событий уже прописан у Китая в его доктрине «три севера, четыре моря», принятой Военным советом ЦК КПК ещё в 1993 году.

Оценивая возможность перехода «китайской опасности» в «китайскую угрозу», следует помнить один из принципов Британской политики, что

«с военной точки зрения — союзники существуют, с экономической — союзников не бывает» и учитывать, что Китай имеет колоссальные людские ресурсы, активно ведет перевооружение своей армии на новые средства ведения крупномасштабной войны, вплоть до применения ядерного оружия. Осваивает китайская армия и новые формы и методы ведения войны — психологические и информационные операции, а также управление войсками на основе «сетецентрической» модели боевых действий. При этом основные предприятия ОПК Китая находятся в глубине его территории и их поражение в случае войны возможно только с использованием стратегического оружия.

Как же России реагировать на рассмотренные угрозы?

Согласно доктринальных документов для ВС РФ основной стратегической задачей в военное время является «отражение агрессии против Российской Федерации и ее союзников, нанесение поражения войскам (силам) агрессора, принуждение его к прекращению военных действий на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации и ее союзников» [38].

Для ведения войны на Западе и Юге у России есть опыт, техника и вооружение. В частности, события на Кавказе в августе 2008 года (так называемая война 08.08.08) при всех их особенностях показали, что российская армия способна вести эффективные боевые действия с противником, на вооружении которого стоит самая современная техника. Однако открытым остаётся вопрос о ведении длительных боевых действий.

Сложнее обстоит дело на Дальнем Востоке.

Китаю нужны природные ресурсы, в первую очередь питьевая вода Байкала, территории для заселения и выход к Северному морскому пути. Поэтому в случае развязывания военных действий война Китая с Россией будет иметь тотальный характер.

Противостоять во много раз превосходящему по численности противнику, как показывает военная история, возможно лишь методами партизанских действий. Об этом рассуждал в своих работах Карл Шмитт [41]. Об этом писал ещё Ф. Энгельс: «Народ, который хочет завоевать себе независимость, не должен ограничиваться обычными способами ведения войны. Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды повсюду — вот единственный способ, при помощи которого малый народ может одолеть большой, при помощи которого менее сильная армия может противостоять более сильной и лучше организованной» [1].

У России есть немалый опыт ведения партизанской борьбы как в период нашего Наполеона, так и в годы Гражданской войны, когда «партизанские отряды занимали города», и особенно в годы Гитлеровской оккупации западной части СССР [42]. Тем не менее, для организации такого рода военных действий требуется соответствующая теоретическая база, подготовленный личный состав и спе-

циальное материально-техническое обеспечение. Однако, судя по проводимой реструктуризации ВС РФ, для широкой партизанской войны они в настоящее время не готовятся. Не готовится к партизанской войне и население Восточной Сибири и Дальнего Востока, а сама тема «китайской угрозы» просто табуируется в СМИ [58].

Поэтому реальным сдерживающим фактором от возможной агрессии против РФ со стороны блока НАТО и Китая в настоящее время и в ближайшем будущем являются её стратегические ядерные силы, а также войска, имеющие на вооружении тактическое ядерное оружие. В Военной доктрине России на этот счёт сказано очень чётко и ясно: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против РФ с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» [38].

Для того чтобы «разрушить замыслы противника» о нападении, наиболее приемлемым вариантом развития страны должна стать не банальная гонка за мировыми лидерами («модернизация») в надежде «догнать и перегнать», а переход в новую геополитическую роль, которая и станет локомотивом развития всей российской экономики, а также сделает Россию как раз той самой «несотрудничающей целью», нарушив, тем самым, цикл НОРД своих геополитических соперников.

В частности, теория борьбы условных информационных определяет в качестве одного из базовых состояний геополитическую ситуацию «объединение слабых вокруг сильного». Применительно к рассматриваемому вопросу это может быть объединение сырьевых стран вокруг России или предоставление ряду стран, опасющихся за сохранение своей идентичности и независимости, «ядерного зонтика» для защиты от угрозы агрессии.

На наш взгляд, руководство страны понимает необходимость идти по пути именно смены геополитической роли. Свидетельство тому — предложение о строительстве Таможенного союза и Единого экономического пространства с дальнейшим выходом на следующий, более высокий уровень интеграции, — формирование в перспективе Евразийского экономического союза. «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом... Евразийский союз — это открытый проект. Мы приветствуем присоединение к нему других партнеров, и прежде всего стран Содружества», — написал в своей статье в газете «Известия» В.В. Путин.

Именно исходя из новой заявленной роли и должен формироваться «новый облик» Российской армии, вестись реформирование Вооружённых Сил

Российской Федерации, модернизация и развитие оборонно-промышленного комплекса, совершенствование военного образования и науки. При этом в ходе строительства «армии нового типа» следует использовать не просто новые концепции и взгляды, а решения, наиболее подходящие к российским реалиям и технологическому укладу.

Следует иметь в виду, что «задачи вооруженных сил США и нашей армии радикально не совпадают. США и их союзники по НАТО на протяжении десятилетий ведут, как правило, наступательные военные действия за пределами своей территории, всегда обладают инициативой в развязывании войны, воюют со слабым противником. Поэтому их опыт нетипичен для нас. Нам, прежде всего, надо обеспечить защиту своей территории и поэтому в начале войны придется вести оборонительные действия против более сильного, принципиально разного на каждом театре военных действий противника» [49].

Так что же такое, в конце концов, война, можно ли с ней бороться и исключить из общественной жизни этот социальный феномен?

Клаузевиц считал, что война «есть акт насилия с целью заставить противника выполнить вашу волю». Поэтому до тех пор, пока у наций и народов будет воля к изменению своей социальной роли в процессе развития человечества, пока в обществе существует мораль и действует фактор справедливости у стран и народов останется и право войны, и право мира.

Война может изменить (и меняет) свои формы, но по-прежнему остаётся способом выявления управляющей воли путём вооруженной борьбы и технологией силового перераспределения ролевых функций на международной арене.

В своей книге о философии войны Антон Керсновский пришёл к выводу, что война «является бесспорным и большим злом. И решаться на это зло — на эту болезнь — следует лишь в положениях безвыходных — когда «клин клином» остаётся единственным средством за истощением всех остальных аргументов» [4]. Такую же мысль в своё время высказал и Тит Ливий: «Поистине справедлива та война, которая необходима. И свято оружие, когда не остаётся надежды, кроме как на оружие» [1].

Но чтобы не доводить ситуацию до применения военной силы, государству нужна политика, способная как учил Сунь-цзы «разрушить замыслы противника», ибо «правило ведения войны заключается в том, чтобы не полагаться на то, что противник не придёт, а полагаться на то, с чем можно его встретить; не полагаться на то, что он не нападёт, а полагаться на то, чтобы сделать нападение на себя невозможным для него» [8].

«Хочешь мира — готовься к войне» говорили древние. Исходя из этого завета, «пока войны на Земле не исчезли, следует сохранять армии и военно-морские силы... Чтобы обеспечить своей стране необходимую защиту, каждая армия и флот должны быть правильно сформированы, подготовлены и управляемы» [28].

Поэтому политики и государственные деятели в своём стремлении обеспечить благополучие и процветание своих народов и стран должны постоянно «помнить войну» и не забывать слова русского философа Вл. Соловьёва о том, что «военная и всякая принудительная организация есть не зло, а следствие и признак зла ... И пока Каиновы чувства не исчезли в сердцах людей, солдат и городской будут не злом, а благом» [2].

Список использованных источников

1. Философия и военная история. Авторский коллектив под руководством Е.И. Рыбкина. — М.: Наука, 1979. — 327 с.
2. Русские философы о войне: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьёв, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. — М.: Жуковский: Кучково поле, 2005. — 496 с.
3. Снесарев А.Е. Философия войны. — М.: Финансовый контроль, 2003. — 287 с.
4. Керсновский А.А. Философия войны. — М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. — 208 с.
5. Дугин А.Г. Философия войны. — М.: Яуза, Эксмо, 2004.
7. Макейчик А.А. Философия войны. — СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. — 131 с.
8. Сунь-Цзы. Трактаты о военном искусстве / Сунь-Цзы, У-Цзы; Пер. с кит., предисл. и коммент. Н.И. Конрада. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. — 558 с.
9. Клаузевиц Карл фон. О войне: пер. с нем. А. Рачинского. — М.: ИК Логос; Наука, репринт 1936г.
10. Николаи Г.Ф. Биология войны: Мысли естествоведа. Пер. с нем. / Предисл. Р. Роллана. Изд. 2-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 248 с.
11. Эвола Юлиус. Метафизика войны. Пер. с англ. — Тамбов: 2008.
12. Макиавелли Николо. Государь. — СПб.: Лениздат, 1993.
13. Тюшкевич С.А. «Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования». — М.: «Книга и бизнес», 2002. — 360 с.
14. Месснер Е.Э. «Всемирная мятежевойна». — Жуковский; М.: «Кучково поле», 2004.
15. «Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера / русский военный сборник № 21». — М.: Военный университет, Русский путь, 2005. — 696 с.
16. Дегтярёв А.П., Семин В.П. Военная история России: Внешние и внутренние конфликты: Тематический справочник с приложением схем военных действий. — М.: Академический Проект; Альма Матер, 2011. — 392 с.
17. «Военный энциклопедический словарь / Пред. гл. ред. комиссии Н.В. Огарков». — М.: Воениздат, 1983. — 863 с.
18. «Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / Под общей редакцией Д.О. Рогозина». — М.: Вече, 2011. — 640 с.
19. Слипченко В.И. Войны нового поколения: дистанционные, бесконтактные. — М.: Олма-пресс образование, 2004.
20. Иванов О.П. Военная сила в глобальной стратегии США: монография. — М.: Восток — Запад 2008. — 198 с.
21. Требин М.П. Войны XXI века. — М.: Издательство АСТ, 2005.
22. Ван Кревельд М. Трансформация войны. — М.: ИРИСЭН, 2005.
23. «Сетецентрическая война. Дайджест по материалам открытых изданий и СМИ». — М. ВАГШ ВС РФ, 2010.
24. Савин А.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. — М.: Евразийское движение, 2011. — 130 с.
25. Ковалёв В.И., Малинецкий Г.Г., Матвиенко Ю.А. Концепция «сетецентрической» войны для армии России: «множитель силы» или ментальная ловушка? Статья на сайте С.П. Курдюмова «Синергетика».
26. Дугин А.Г. «Сетецентричные войны». Статья в журнале Академии военных наук «Информационные войны», № 1(5), 2008.

27. Карякин В.В. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира: монография. — М.: «Граница», 2011.
28. Фиске Бредли Аллен. Искусство ведения войны. Эволюция тактики и стратегии / Пер. с англ. Л.А. Карповой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2013. — 413 с.
29. Дейви Морис. Эволюция войн / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. — 382 с.
30. Арзумян Р.В. Определение войны в 21 веке. Обзор XXI ежегодной конференции по стратегии Института стратегических исследований Армейского военного колледжа, 6-8 апреля 2010г. — Ереван, 2011.
31. Хофмайстер Х. Воля к власти или Бессилие политики. Философско-политический трактат. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2006. — 288 с.
32. Головин Н.Н. Наука о войне: избр. соч. / Николай Николаевич Головин; сост. И.А. Вершинина. — М.: Астрель, 2008. — 1008 с.
33. Корчмит-Матюшов В.И. Теория войн. — М.: БФРТЗ «Слово», 2001.
34. Тоффлер Элвин, Тоффлер Хайди. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 412 с.
35. Аничков М.В. Война и труд / препринт международного издания. — Челябинск: Социум, 2007. — 494 с.
36. Энджелл Норманн. Великое заблуждение: Этюд об отношении военной мощи наций к их экономическому и социальному прогрессу. — Челябинск: Социум, 2009. — 355 с.
37. Матвиенко Ю. А. «Информационно-психологическая война как одна из форм разрешения социально-политических противоречий в современном обществе». Статья в журнале Академии военных наук «Информационные войны» № 4(8) за 2008г.
38. «Военная доктрина Российской Федерации». Утверждена Указом Президента Российской Федерации 5 февраля 2010 года.
39. Геловани В.А., Пионтковский А.А. Эволюция концепций стратегической стабильности: Ядерное оружие в XX и XXI веке. — М.: Издательство ЛКИ, 2008.
40. Кокошин А.А. О политическом смысле победы в современной войне. Критические размышления в связи с выходом в свет российского издания книги Уэсли Кларка «Как победить в современной войне». — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 104 с.
41. Шмитт Карл. Теория партизана. Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. — М.: Практикс, 2007.
42. Грозное оружие: Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. — М.: Военный университет, Русский путь, 2007. — 760 с.
43. Лобов В.Н. «Военная хитрость: из теории и истории». — М.: «Воениздат», 1992.
44. Бородакий Ю.В., Лободинский Ю.Г. Информационные технологии в военном деле (основы теории и практического применения), — М.: Горячая линия-Телеком, 2008.
45. Паршин С.А., Горбачёв Ю.Е., Кожанов Ю.А. Современные тенденции развития теории и практики управления в Вооруженных силах США. — М.: Ленанд, 2009.
46. «Информационные, специальные, воздушно-десантные и аэромобильные операции армий ведущих зарубежных государств: информационно-аналитический сборник / А.Н. Сидорин, И.А. Рябченко, В.П. Герасимов и др.». — М.: Воениздат, 2011.
47. «Военная сила в международных отношениях: учебное пособие / коллектив авторов; под общ. ред. В.И. Анненкова». — М.: КНОРУС, 2011.
48. Добренёв В.И., Агапов П.В. «Война и безопасность России в XXI веке». — М.: Академический проект, Альма Матер, 2011.
49. Рукшин А. С. «Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил». Статья в газете «Военно-промышленный курьер» № 45 (462) от 14 ноября 2012г.
50. Савин Л.В. От шерифа до террориста. Очерки о геополитике США. — М.: Евразийское Движение, 2012. — 254 с.
51. Ивлеев А.А. Основы теории Бойда. Направления развития, применения и реализации (Монография). — М., 2008. — 64 с.
52. Национальная военная стратегия Соединённых Штатов Америки — 2011. Перевод, М.: 2011.
53. Галенович Ю.М. Китайские сюжеты: чем доволен и недоволен Китай. — М.: Восточная книга, 2010.

54. «Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США». — М.: «Европа», 2009. — 188 с.
55. Паршин С.А., Горбачёв Ю.Е., Кожанов Ю.А. Кибервойны — реальная угроза национальной безопасности? — М.: КРАСАНД, 2011.
56. Илларионов С.И. Глобальная террористическая война. — М.: ООО РИЦ ПрофЭко, 2006.
57. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / Под ред. А.В. Возженикова. — М.: Эксмо, 2007. — 528 с.
58. Храмчихин А.А. Дракон проснулся? : внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России. — М.: Ключ-С, 2013. — 192 с.
59. Арзумян Р.В. Кромка хаоса. Сложное мышление и сеть: парадигма нелинейности и среда безопасности XXI века. — М.: Издательский Дом «Регнум», 2012. — 600 с.
60. Аладьин В., Ковалёв В.И, Малков С.Ю., Малинецкий Г.Г. Пределы сокращения. Доклад российскому интеллектуальному клубу / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — 496 с.